

Грани
ВОЗМОЖНОГО
Ψ-Континуум 2

Алексей Рудь

Алексей Рудь
Грани возможного
Ψ-Континуум 2

<https://litres.ru/74334484>

SelfPub; 2026

Аннотация

Из прошлого в будущее — мальчик, который видит структуру реальности, учится быть человеком среди богов.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алексей Рудь

Грани возможного

Ψ-Континуум 2

Глава 1

ПРОЛОГ

Он стоял перед пультом.

Пальцы — сухие, старые, но всё ещё твёрдые — лежали на гладкой поверхности. Материал был тёплым, живым, как кожа. Система дышала под его руками. Он чувствовал это. Миллиарды вычислений в секунду, вероятности, линии будущего, которые тянулись вперёд, переплетались, расходились, снова сходились в узлы. Где-то там, в этой паутине, лежали ответы. На всё. На все вопросы, которые он когда-либо задавал.

Вокруг было тихо.

Станция гудела где-то далеко, за стенами, за слоями защиты. Слышно было только его дыхание и тихий шелест вентиляции. И в этом шуме — странное спокойствие. Как перед бурей. Как перед тем, что нельзя отменить.

Он закрыл глаза.

Перед внутренним взором проносились картинки. Не как

кино — как будто он смотрел сквозь толщу воды, размыто, но узнаваемо. Пыльный класс, доска, мел в руке учителя. Дети смеются. Кто-то толкнул его локтем. Он чувствует этот толчок до сих пор, спустя сорок лет. Тёплый, почти братский удар в бок. «Ты чего задумался, гений?»

Он не был гением тогда. Он был просто мальчишкой, который видел то, что другие не замечали. Который не мог пройти мимо несоответствия, как не мог пройти мимо разбитой вазы на полу — нельзя просто перешагнуть, надо поднять, надо понять, как она упала, кто виноват, можно ли склеить.

Он открыл глаза. Пульт мигнул синим — система ждала подтверждения.

«Ты можешь всё исправить», — сказал ему кто-то недавно. Или не недавно. Или он сам себе сказал. Или это был Арен, но уже не важно. «Ты видишь связи, которые никто не видит. Ты понимаешь, где ломается реальность. Ты можешь собрать её заново. Лучше. Правильнее. Без войн, без голода, без ошибок».

Он знал, что это правда.

Он мог.

Не благодаря силе. Не благодаря власти. А потому, что он действительно видел. Каждый узел, каждую нить. Он мог потянуть за одну — и изменить тысячи. Сделать так, чтобы ребёнок в той пыльной школе никогда не ошибся. Чтобы учитель не злился зря. Чтобы миллиарды людей не страдали из-

за собственных решений.

Он протянул руку.

Но вместо того, чтобы нажать на подтверждение, он нажал на отмену. Медленно, почти невесомо. Пальцы дрогнули, но не от слабости. От чего-то другого. От того, что трудно назвать.

Система погасла.

Тишина стала глубже.

Он выдохнул. Долго, шумно, как будто держал воздух внутри с самого детства. Грудь сжалась, отпустила. В глазах защипало. Глупо. Так глупо — в его возрасте, с его пониманием, с его знанием того, как устроены вещи, — плакать. Но он плакал. Тихо. Беззвучно. По тому миру, который мог бы существовать, и по тому, который останется — несовершенным, живым, страшным и прекрасным.

Потому что он вдруг понял.

Самый страшный враг свободы — не тиран. Не система. Не Арен с его идеальным порядком. Самый страшный враг свободы — человек, который точно знает, как правильно.

И он, стоя здесь, в центре управления реальностью, был именно таким человеком. Всегда был. С одиннадцати лет, когда впервые сказал учителю: «Вы ошиблись в условии». Он знал, что видит больше. Он знал, что прав. И это знание было его величайшим проклятием.

Но сейчас, в эту секунду, он сделал выбор. Не лучший выбор. Не самый логичный. Он сделал человеческий выбор.

Он позволил миру остаться самим собой.

ГЛАВА 1

Воздух в классе был спёртым и сладковатым — пахло меловой пылью, пластиковыми стульями и чьим-то дешёвым шампунем. За окном, сквозь мутное стекло, пробивался серый октябрьский свет, не яркий, не тёплый, а какой-то усталый, будто день уже не мог себя заставить быть солнечным.

Алексей сидел на третьей парте у окна, локти на столе, подбородок на кулаках. Он смотрел на доску, но не видел того, что видели остальные. Не видел задачу. Видел её форму. Как она лежит в пространстве, как слова нанизаны друг на друга, как одно условие тянет за собой другое. Он не мог объяснить, что именно чувствует, когда видит это. Просто иногда внутри что-то щёлкало, как будто пазл становился прозрачным, и он видел, где деталь не подходит.

Сейчас он видел, что одна деталь не подходит.

— Итак, у нас есть уравнение движения, — учительница, Светлана Петровна, ткнула указкой в доску. — Начальная скорость два метра в секунду, ускорение, как мы уже выяснили, пять десятых... Кто может сказать, какое расстояние пройдёт тело за первые три секунды?

В классе зашевелились. Кто-то начал считать, шурша бумагой. Кто-то поднял руку — Ирка Петрова, отличница, всегда первая, всегда правильная. Готова ответить, готова блеснуть.

Алексей не поднял руку.

Он смотрел на условие. Начальная скорость — два. Ускорение — пять десятых. Время — три секунды. Всё красиво, всё складывается. Любой, кто знает формулу, решит за минуту. Любой, кто хочет быть отличником, поднимет руку и скажет: «Десять целых двадцать пять сотых метра».

Но Алексей смотрел на другое.

Он смотрел на то, что условие не упоминало силу трения. Или сопротивление среды. Или то, что движение начинается не с нулевой точки, а с уже существующей скорости. Или то, что ускорение — не константа, если речь идёт о реальном теле, а не о модели. В любой реальной задаче есть что-то, что уравнением не описать. Там, в жизни, всегда есть ещё одно условие, которое ты не видишь на доске. И оно меняет всё.

Он поднял руку.

— Светлана Петровна?

— Да, Алексей?

Её голос был ровным, но он уловил лёгкую настороженность. Она знала его вопросы. Обычно они были не к месту или не ко времени. Или — как она однажды выразилась за спиной у завуча — «усложняют простые вещи».

— А вот это... — он кивнул на доску. — Это условие про тело, которое движется с постоянным ускорением. Но разве мы знаем, что там нет трения? Или что среда — вакуум? Или что тело не вращается? В условии это не сказано.

Тишина.

Не та, которая бывает, когда все ждут ответа. А та, которая

бывает, когда все уже поняли, что сейчас будет что-то не то.

Ирка Петрова опустила руку и посмотрела на него с лёгким презрением. Мол, опять. Мол, что тебе надо? Мол, все же видят, что это просто задача.

Светлана Петровна вздохнула. Длинно, устало, как будто он — её личная головная боль.

— Алексей, в задачах мы оперируем идеализированными условиями. Это понятно? Нам не нужно учитывать все факторы, иначе мы никогда не решим ни одну задачу.

— Но если мы не учитываем факторы, то мы получаем неправильный ответ, — сказал он. Спокойно, почти без интонации. Просто констатировал факт. Как будто сказал: «Вода мокрая». — В жизни тело никогда не движется в вакууме. Там всегда есть что-то ещё. Так зачем мы считаем что-то, что невозможно в реальности?

Класс замер.

Он чувствовал их взгляды на своей спине. Смесь любопытства, раздражения, скуки. Он знал, что они думают: «Опять этот умник», «Вечно со своими сложностями», «Почему нельзя просто решить задачу и забыть?»

Он тоже хотел, чтобы было просто.

Он не знал, почему не может просто решить. Почему не может, как Ирка, поднять руку и выдать правильный ответ, получить пятёрку, улыбнуться. Он тоже хотел, чтобы внутри было спокойно. Но если условие было неправильным — он это чувствовал почти физически. Как если бы у стула была

сломана ножка, а все делали вид, что сидят ровно. Он не мог сесть на этот стул и притвориться, что всё в порядке.

Светлана Петровна медленно опустила указку.

— Алексей, пожалуйста, выйди к доске и реши задачу. Так, как ты считаешь правильным.

Он вышел.

Ему было одиннадцать. В его теле ещё не было той уверенности, которая придёт позже. Сейчас он чувствовал, как щёки начинают гореть, как под коленками что-то дрожит. Он взял мел, влажный от чужих рук, и подошёл к доске.

Он не стал писать формулу. Он написал условие — переписал его слово в слово, а потом подчеркнул:

«Тело движется с постоянным ускорением».

И написал рядом:

«Но мы не знаем, постоянно ли оно на самом деле. У нас нет данных о среде. У нас нет данных о начальных условиях. Мы не можем утверждать, что ответ, который мы получим, будет соответствовать реальности».

Он повернулся. В классе было тихо.

— Вот, — сказал он и положил мел обратно.

Светлана Петровна посмотрела на доску. Посмотрела на него. Вздохнула ещё раз. Глубже.

— Алексей, ты хочешь сказать, что задача не имеет решения?

— Нет, — сказал он честно. — Она имеет решение. Просто оно неправильное. Если мы будем решать неправильные

задачи — мы будем получать неправильные ответы. А потом удивимся, почему в жизни всё не так.

Он сел на своё место.

Кто-то прыснул. Кто-то зашептался. Ирка Петрова смотрела на него с выражением, которое он уже научился узнавать: «Ты испортил урок, ты выставил себя дураком, ты всё усложнил».

Он знал, что она думает. Она думала, что он просто хочет внимания. Что он — странный, неудобный, слишком серьёзный мальчик, который не умеет, как все, просто делать то, что говорят.

Он смотрел в окно.

Серый свет лежал на подоконнике, и в этом свете пылинки танцевали медленно, как будто тоже никуда не торопились. Он думал: почему ему так трудно? Почему он не может просто поднять руку и сказать: «Десять целых двадцать пять сотых метра». Ответ-то был правильный. В рамках задачи. Но она же была неправильная.

И главное — он знал, что Светлана Петровна тоже знает. Она же взрослая. Она умная. Она понимает, что трение есть. Понимает, что в реальности всё сложнее. Так почему она делает вид, что это неважно?

Почему все делают вид?

После уроков он шёл домой через парк. Листья хрустели под ногами, сырые, уже начавшие гнить. Ветер срывал их с веток и бросал в лицо, и он щурился, и тёр глаза, и шёл впе-

рѣд, не ускоряя шага.

Дома было пусто. Мама на работе, папа тоже. Он зашёл на кухню, налил себе чай из заварника, сел за стол. Чай был горячий, почти обжигающий. Он держал кружку в ладонях, смотрел на пар, поднимающийся вверх.

«Почему я не могу просто молчать?» — спросил он себя. Не в первый раз.

Он не искал ответа. Он просто сидел и пил чай, и думал о том, как устроены люди. Как они принимают неполные данные за истину. Как они соглашаются с неправильными условиями, потому что так проще. Как они злятся на того, кто говорит: «А это неверно», даже когда он прав.

Он не хотел злить их. Он хотел помочь. Хотел, чтобы они увидели то же, что видит он. Чтобы мир стал для них прозрачнее. Чтобы не было этих глупых ошибок, которые делают взрослые, хотя, кажется, должны знать лучше.

Но вместо этого они просто считали его заносчивым.

Он допил чай. Поставил кружку на стол. И подумал:

«Ну и ладно. Пусть считают. Я всё равно не перестану видеть».

Глава 2

Через три дня он снова сидел на третьей парте у окна. Свет за окном был тем же — серым, усталым, октябрьским. Но внутри у Алексея что-то изменилось. Не потому что он понял что-то новое. Просто он вдруг заметил, что на него смотрят иначе.

Не все. Не большинство. Но некоторые.

Вера, например, девочка с первой парты, которая всегда молчала и рисовала в тетради маленьких человечков с огромными глазами. Она повернулась к нему на перемене и сказала:

— Ты на уроке про трение... Это было круто. Я не поняла, но круто.

Он не знал, что ответить. Сказал: «Спасибо». И она улыбнулась, и он почувствовал, что улыбка эта была настоящая, не как у Ирки Петровой, которая улыбалась только когда хотела показать, что она лучше.

Вера была странной. Все это знали. Она рисовала не людей, а их тени. Она говорила тихо и иногда запинаясь на полуслове, как будто забывала, что хотела сказать. Другие дети не обращали на неё внимания. Она была невидимой. Почти как он сам.

Но теперь она сказала ему «круто». И он почувствовал,

что она не врёт.

— Знаешь, — сказал он, — я не хотел быть крутым. Я просто не мог не сказать.

— Я знаю, — кивнула она. — Ты всегда такой. Ты видишь то, что другие не видят.

Он хотел спросить, откуда она знает, но не спросил. Потому что понял: она тоже видит. Не так, как он. Она видит людей. Их настроение, их страхи, их надежды. Она не говорит об этом вслух — просто рисует их тени на бумаге.

«Может быть, я не один», — подумал он.

Но через минуту прозвенел звонок, и Вера ушла на своё место, и он остался один. Снова.

Вечером он не пошёл домой сразу.

Он задержался в парке, сел на лавочку, которая стояла на отшибе, под старой липой. Листья уже почти облетели, ветки торчали голые и колючие. Холодно. Он поднял воротник куртки и сунул руки в карманы.

Он думал о Вере.

Она сказала: «Ты всегда такой. Ты видишь то, что другие не видят». Значит, она заметила. Заметила, что он видит иначе. Но она не испугалась, не стала смеяться, не сказала, что он умничает. Она просто сказала это, как факт: «Ты видишь то, что другие не видят». И это прозвучало не как обвинение. А как констатация.

Он замер.

Если она видит, что он видит — значит, она тоже видит.

Но что именно она видит? Как она это видит? Каково это — быть Верой? Рисовать тени, молчать, быть невидимой, а потом подойти к мальчику, которого почти никто не понимает, и сказать ему: «Ты не один».

Он смотрел на ветки. Они качались на ветру, и в этом качании не было никакого смысла, никакого порядка. Просто ветер, просто дерево. Но он почему-то не мог отвести взгляд.

«Почему я не могу быть как все?» — спросил он себя в который раз. — «Почему я всегда вижу там, где другие просто смотрят?»

Он не знал ответа.

Но впервые он не чувствовал себя виноватым за этот вопрос.

На следующий день он подошёл к Вере на большой перемене. Она сидела на подоконнике в коридоре, рисовала в тетради. Рядом никого не было. Она всегда сидела одна. Всегда. — Можно я сяду рядом? — спросил он.

Она подняла глаза. Улыбнулась.

— Садись.

Он сел. Она рисовала тень человека на фоне большого здания. Тень была длинная, искривлённая, почти неузнаваемая.

— Это ты? — спросил он.

— Нет, — сказала она. — Это моя мама.

Он не знал, что сказать. Она рисовала тень своей мамы. Но на бумаге была только тень, а не сама мама. Почему? По-

чему она не рисовала лицо?

— Она умерла, когда мне было семь, — сказала Вера. — Я не помню её лица. Только тень. Она стояла у окна, и солнце падало ей на спину, и я видела только тень на стене. С тех пор я рисую только тени.

Он смотрел на рисунок. Тень была нечеткой, размытой, как будто мама стояла далеко и свет был слабый. Но в этой тени было что-то живое. Что-то, что нельзя было передать словами.

— Тебе не грустно? — спросил он.

— Грустно, — сказала она. — Но я не могу перестать рисовать. Это единственное, что осталось.

Она захлопнула тетрадь и посмотрела на него:

— А ты? Ты рисуешь что-нибудь?

Он покачал головой:

— Нет. Я не умею рисовать. Я просто... замечаю.

— Что замечаешь?

Он задумался. Как объяснить ей то, что он сам не до конца понимал? Как сказать, что мир для него состоит из связей, которые никто не видит? Что он видит, как люди врут, даже когда говорят правду? Что он видит, как одна ошибка тянет за собой другую? Что он чувствует, когда что-то не сходится, как будто внутри него щёлкает переключатель?

Она смотрела на него и ждала.

— Я замечаю, когда что-то неправильно, — сказал он наконец. — Не как «ошибка» в задаче. А как... как будто мир

должен быть одним, а он становится другим. И я вижу, где он сломался.

Она помолчала. Потом сказала:

— Знаешь, я тоже вижу. Не как ты. Я вижу людей. Их страхи. Их боль. Они не говорят об этом, но я вижу. Как тени.

Он хотел сказать что-то ещё, но прозвенел звонок. Она улыбнулась, встала и пошла в класс. А он остался сидеть на подоконнике и смотреть на её тетрадь, оставленную на подоконнике.

Она забыла её. Или оставила специально.

Он открыл тетрадь. На первой странице был рисунок — тень мальчика, стоящего на фоне школьной доски. На доске были написаны формулы. Но мальчик смотрел не на доску. Он смотрел в окно, и тень его была длинной и одинокой.

Он закрыл тетрадь и положил на место.

«Она видит меня, — подумал он. — Она видит меня таким, какой я есть».

И впервые за долгое время ему не было страшно.

Глава 3

Через неделю случилось то, что изменило всё.

Это был обычный день. Обычный урок. Обычная задача на доске. Но в тот момент, когда он смотрел на доску, он почувствовал странное ощущение. Как будто что-то шевельнулось в воздухе. Как будто пространство вокруг стало чуть-чуть другим. Не громче, не ярче, не теплее. Просто — другим.

Он поднял голову. Свет из окна падал на доску, и на секунду ему показалось, что линии на доске начали двигаться. Не как отражение, не как игра воображения. Они просто сдвинулись на миллиметр, а потом вернулись на место.

— Алексей, ты слушаешь? — спросила Светлана Петровна.

— Да, — сказал он, но она не поверила. И была права. Он не слушал. Он смотрел в окно, туда, где небо было серым и густым, как вата. И там, за окном, он увидел нечто такое, чего никогда раньше не видел.

Среди облаков, высоко-высоко, мелькнула вспышка. Не молния. Она была слишком медленной, почти тягучей, как масло, разлитое по воде. Она висела несколько секунд, а потом исчезла.

Никто в классе не заметил. Никто, кроме него.

На перемене он подошёл к окну. Смотрел в небо. Ничего. Обычное октябрьское небо, серое, пустое, безжизненное. Но внутри него осталось то ощущение — что что-то сдвинулось. Что мир на мгновение стал другим.

— Ты чего такой странный? — спросила Вера, подходя к нему.

— Не знаю, — сказал он. — Мне показалось... что там что-то было. В небе.

Она посмотрела вверх. Потом на него.

— Ты видел что-то?

— Я не знаю, — повторил он. — Может быть, показалось.

Но он знал, что не показалось. Он почувствовал это всем телом — как будто кто-то тронул его за плечо, но руки не было.

Домой он шёл медленно, постоянно оглядываясь. Он ждал, что небо изменится снова. Но нет. Оно оставалось серым, холодным, привычным. Только внутри него, где-то глубоко, всё ещё горела та вспышка, которую он не мог объяснить.

Ночью он проснулся от странного звука.

Не громкого. Не резкого. Похожего на гул трансформатора, но более низкого, почти подземного. Он сел в кровати. В комнате было темно. Только лунный свет пробивался сквозь занавески, рисуя на стене косую полосу.

Он прислушался. Тишина.

И вдруг — снова. Гул. Глубже, сильнее. И в этом гуле ему

показалось, что он слышит голоса. Не слова. Просто интонации. Как будто кто-то говорил на языке, которого он не знал, но понимал смысл.

Он встал с постели. Босиком прошёл к окну. Отодвинул занавеску.

На улице было пусто. Ни машин. Ни людей. Только фонари горели ровным жёлтым светом, и свет этот казался слишком неподвижным, как будто время остановилось.

Он смотрел в ночное небо. И там, высоко-высоко, он увидел её снова.

Вспышку.

Но теперь она была ближе. Она разрасталась, как будто кто-то разворачивал огромный лист бумаги, и этот лист был сделан из света. Он смотрел, затаив дыхание. Сердце колотилось так громко, что он боялся разбудить маму.

И вдруг свет погас.

А на его месте осталась дыра. Чёрная, глубокая, не имеющая формы. Он смотрел на неё, и в ней ничего не было. Не тьма. Не пустота. Отсутствие. Как будто кусок неба просто исчез.

Он хотел отойти от окна. Хотел закричать, позвать маму. Но ноги не слушались. Он стоял, как вкопанный, и смотрел, как дыра начинает медленно закрываться, как будто её зашивали невидимой нитью.

И в ту секунду, когда она почти исчезла, он услышал голос.

Не в ушах. Внутри головы. Тихо, почти шепотом:

«Ты видишь».

Это не было вопросом. Это было утверждение. Как будто кто-то узнал его.

— Кто ты? — спросил он вслух.

Но дыра закрылась, и небо стало прежним. Серым. Пустым. Мёртвым.

Он стоял у окна до утра. Не спал. Не двигался. Просто смотрел в небо и ждал, что оно снова откроется.

Оно не открылось.

Утром мама нашла его на кухне за столом. Он сидел, смотрел в кружку с чаем и не пил.

— Ты не спал? — спросила она.

— Спал, — соврал он.

— Ты бледный. Ты заболел?

— Нет, мам. Всё нормально.

Она приложила ладонь к его лбу. Ладонь была тёплой и знакомой. Он закрыл глаза. Ему хотелось сказать ей правду: «Мама, я видел что-то странное в небе. Я слышал голос. Я не знаю, что это было». Но он знал, что она не поймёт. Она скажет: «Тебе приснилось». Или: «Ты переутомился». Или: «Не выдумывай».

Он улыбнулся:

— Всё хорошо. Просто не выспался.

Она улыбнулась в ответ, погладила его по голове и пошла собираться на работу. А он остался сидеть за столом и смотреть в небо.

реть на чай, который остывал в кружке.

Внутри него что-то изменилось. Он не знал, что именно. Но чувствовал: мир, который он знал, стал меньше. А за его пределами начиналось что-то другое. Что-то, что он не мог объяснить. Что-то, что не укладывалось в его модели.

И впервые за всю свою короткую жизнь он испытал не раздражение от того, что не понимает. А настоящий, глубокий интерес.

Глава 4

Три дня он ходил как в тумане.

В школе он смотрел на доску, но не видел задач. Слышал голоса учителей, но не разбирал слов. Внутри него жило то, что он не мог никому рассказать. Ни маме, которая спросила бы: «Что с тобой?», ни Вере, которая, возможно, поняла бы, но он сам не знал, как это объяснить.

«Ты видишь».

Голос был тихим. И в нём не было угрозы. Но было что-то ещё. Что-то, что заставляло его сердце биться быстрее каждый раз, когда он вспоминал эти слова. Кто это сказал? Откуда это взялось? Почему он?

В субботу он не пошёл гулять. Он сел за компьютер и начал искать.

Он не знал, что ищет. Просто ввёл в поисковик слова: «световая вспышка ночью», «аномалия в небе», «голос внутри головы». Результаты были пустыми: научные статьи о метеорах, форумы конспирологов, бредни про НЛО. Ничего, что имело бы смысл.

Он закрыл браузер и откинулся на спинку стула.

«Может быть, я сошёл с ума», — подумал он. Но тут же отбросил эту мысль. Он не чувствовал себя сумасшедшим. Он чувствовал себя так, как будто только что заметил дверь,

которая была открыта всю его жизнь, но он не решался в неё войти.

Телефон завибрировал. Сообщение от Веры:

«Ты чего молчишь? Я скучаю».

Он улыбнулся. Написал:

«Я думал. Слушай, можно тебя кое-что спросить?»

Ответ пришёл через минуту:

«Давай».

Он помедлил. Потом написал:

«Ты когда-нибудь видела что-то, чего не могла объяснить? Не как "странное совпадение". А как будто реальность стала другой?»

Долгое молчание. Он уже хотел написать «забудь», но телефон снова завибрировал.

«Да. Видела. Но я думала, что одна такая.»

Он замер.

«Что ты видела?» — спросил он.

«Я не знаю, как объяснить. Однажды я рисовала в парке. И вдруг деревья стали прозрачными. Не как в кино. Просто я видела стволы и ветки, но сквозь них видела то, что должно быть за ними. Как будто они были из стекла. Длилось это несколько секунд. А потом прошло. Я никому не говорила. Думала, что просто устала.»

Он смотрел на экран и не верил. Она тоже. Значит, он не один. Значит, это не просто его воображение.

«Вера, — написал он, — я тоже видел что-то. В небе. Но-

чью. А потом голос сказал мне: "Ты видишь".»

«Я знаю, — ответила она. — Я чувствую, что с тобой что-то происходит. Ты стал другим. Не плохим. Другим. Как будто ты видишь больше.»

Он сглотнул. Она права. Он действительно видел больше. Но что это значило? И почему именно они?

В воскресенье он пошёл в парк один. Хотел подышать свежим воздухом, собраться с мыслями. Осень уже перешла в зиму: деревья стояли голые, трава пожухла, воздух был колючим и холодным. Он сел на ту же лавочку под липой и смотрел на небо.

Ничего. Серое, ровное, безоблачное.

Он уже хотел встать и уйти, как вдруг почувствовал лёгкое покалывание в затылке. Как будто кто-то смотрел на него. Он обернулся. Парк был пуст. Только вдалеке, у входа, стояла фигура человека. Слишком далеко, чтобы разглядеть лицо. Но она стояла неподвижно, глядя прямо на него.

Он замер. Сердце забилось быстрее.

Человек не двигался. Он просто стоял, и в этом стоянии было что-то неестественное. Как будто он не был частью этого мира. Как будто он пришёл откуда-то ещё.

Алексей хотел подойти ближе, но ноги не слушались. Он мог только смотреть. И в тот момент, когда он почти решился крикнуть, фигура исчезла.

Просто перестала быть.

Ни облака дыма. Ни звука. Ничего. Одно мгновение — и

её нет.

Он встал. Подошёл к тому месту. Трава была примятой, но не так, как будто кто-то стоял. Скорее, как будто пронёсся ветер. Или как будто пространство сжалось и отпустило.

Он опустился на колени. Потрогал землю. Она была холодной и влажной. Ничего необычного.

«Ты видишь».

Голос вернулся. Тот же. Тихо, почти невесомо. Но теперь он звучал ближе. Как будто кто-то стоял прямо за его спиной.

Он резко обернулся. Никого.

— Кто ты? — спросил он громко. Голос дрогнул, но не сорвался.

Тишина.

— Зачем ты приходишь ко мне?

Снова тишина. А потом — едва слышный шёпот, как будто ветер пронёсся над самой землёй:

«Ты подходишь».

Он не понял. Что значит «подходишь»? К чему? Но спрашивать было некого. Вокруг было пусто. Только ветер, только голые ветки, только серая пелена неба.

Он встал и пошёл домой. Шёл быстро, почти бежал. Внутри него кипело что-то новое. Не страх. Не смятение. А что-то похожее на предчувствие. Как будто он стоял на пороге чего-то, что должно было изменить его навсегда.

Глава 5

Ночью он проснулся от того, что комната была залита светом.

Не лунным. Не уличным. А каким-то другим — белым, холодным, пронизывающим. Он сел на кровати. В окне не было ничего необычного: та же улица, те же фонари. Но свет шёл откуда-то сверху, как будто кто-то включил прожектор прямо над домом.

Он подошёл к окну. Отодвинул занавеску.

Небо было открыто. Ни облаков, ни туч. Но в центре этого пустого неба висела та самая дыра. Только теперь она не закрывалась. Она росла. Медленно, неумолимо, как будто кто-то разрывал реальность изнутри.

Он смотрел на неё, и в груди разрасталось странное чувство. Не паника. Не ужас. А почти что восторг. Он ждал этого. Знал, что это вернётся.

И вдруг дыра начала падать.

Не как объект. Она просто сместилась вниз, приближаясь к дому, к его окну, к нему. Он отшатнулся, но не успел. Свет накрыл его с головой, и мир исчез.

Он открыл глаза.

Вокруг было белое пространство. Не комната, не улица, не небо. Просто белый свет, который, казалось, шёл отовсюду.

Он стоял на чём-то твёрдом, но не видел пола. Не было ни стен, ни потолка. Только свет.

И перед ним стоял человек.

Тот самый. Из парка. Теперь он был близко, и Алексей мог разглядеть его лицо. Оно было обычным, даже молодым. Тёмные волосы, серые глаза, спокойное выражение. Одет просто — в тёмную куртку и джинсы. Как будто он тоже гулял по городу.

— Привет, — сказал человек. Голос был ровным и тёплым, совсем не таким, как тот шёпот.

— Где я? — спросил Алексей. Он ожидал, что голос сорвётся, но он прозвучал твёрже, чем он думал.

— Это сложный вопрос, — улыбнулся человек. — Если коротко — ты между.

— Между чем и чем?

— Между тем миром, который ты знаешь, и тем, который ты должен узнать.

Алексей смотрел на него. В этом человеке не было угрозы. Наоборот — в его глазах светилось что-то похожее на интерес. Как у учителя, который видит способного ученика.

— Ты — голос? — спросил Алексей. — Тот, что говорил мне?

— Частично, — кивнул человек. — Но я — не только голос. Я — проводник.

— Проводник? Куда?

Человек сделал шаг ближе. Теперь они стояли почти

вплотную.

— Ты всю жизнь искал ответы, — сказал он. — Ты видел то, что другие не видят. Ты замечал связи, противоречия, ошибки в самой ткани реальности. Ты не знал этого, но твой мозг был настроен на другую частоту. На частоту, которую здесь называют Эфиром.

— Эфир? — переспросил Алексей. Слово было странным, но внутри него что-то отозвалось на него. Как будто он знал его всегда.

— Да. Эфир — это не магия и не энергия. Это структура, которая соединяет всё: материю, информацию, сознание. Большинство людей не способны её видеть. Но ты — способен. И ты был способен с детства.

Алексей хотел спросить, что это значит, но проводник поднял руку.

— У тебя будет время. У тебя будет целая жизнь, чтобы понять. Но сейчас я должен сказать тебе главное: ты не случайно оказался здесь. Ты не избранный, не спаситель, не пророк. Ты просто человек с определённым типом сознания. Таким, как ты, немного. И именно поэтому ты нужен там, куда мы тебя отправим.

— Отправите? — Алексей почувствовал, как внутри него что-то сжалось. — Куда?

Проводник вздохнул. В его глазах мелькнула тень, почти невидимая.

— В будущее. В мир, который станет твоим домом. Ты не

вернёшься сюда. По крайней мере, не в том виде, в котором ты есть сейчас.

Алексей смотрел на него, и в голове пронеслась тысяча мыслей. Мама. Вера. Школа. Дом. Всё, что он знал, все, кого любил. Он хотел сказать «нет», хотел закричать, что не согласен. Но вместо этого он спросил:

— А у меня есть выбор?

Проводник улыбнулся. Грустно.

— Ты всегда можешь отказаться. Мы не берём никого силой. Но если ты откажешься — ты забудешь всё это. Вернёшься к своей жизни, и она будет такой же, как и раньше. Никаких вспышек, никаких голосов. Ты просто будешь жить, как все.

— А если я соглашусь?

— Если согласишься — ты попадёшь в мир, который будет тебя испытывать. Ты будешь учиться, ошибаться, страдать. Ты встретишь людей, которые изменят тебя. И ты изменишь их. Ты станешь кем-то, кого здесь никто не знает. Но ты потеряешь всё, что у тебя есть сейчас.

Алексей закрыл глаза.

Перед ним пронеслись картинки: мама на кухне, улыбка Веры, голые ветки липы, серая доска в классе, Ирка Петрова с её насмешливым взглядом. Он вспомнил, как учительница сказала: «Ты слишком много думаешь». И как Вера сказала: «Ты видишь то, что другие не видят».

Он открыл глаза.

— Я согласен.

Проводник кивнул, как будто знал этот ответ.

— Тогда запомни: твой путь начнётся с потери всего. Но закончится тем, что ты сам выберешь. И когда ты будешь стоять перед последним выбором — вспомни этот момент. Вспомни, что ты сам решил.

Свет стал ярче. Белое пространство начало таять, превращаясь в потоки, которые закручивались вокруг него. Алексей почувствовал, как его тело перестаёт быть твёрдым, как оно распадается на части, но при этом остаётся собой.

И последнее, что он услышал, прежде чем всё исчезло: «Добро пожаловать в Ψ -Континуум».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.